

ПОСТРОЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЦЕННОСТНЫХ РЕГУЛЯТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПОСТКАНТИАНСКИЙ ПОДХОД

Гафарова Ю. Ю.

кандидат философских наук, доцент

УО «Белорусский государственный экономический университет»
(Республика Беларусь, г. Минск)

Исходным моментом проблематизации построения универсальной модели ценностных регулятивов в современной философско-культурологической мысли выступает одновременность присутствия в ней двух теоретических установок: (1) установки на рассмотрение ценностных систем как имеющих социокультурную обусловленность и заданных контекстуальными особенностями; (2) установки на необходимость выработки единой общечеловеческой регулятивной модели, которая определялась бы не только степенью корреляции с доминирующими в локусе системами ценностей и базовыми установками, но и потребностью в несубъективистской легитимации всеобщих нравственных ориентиров и ценностей а также в методологической рефлексии, связанной с переформулированием и адаптации к различным национально-культурным традициям идеалов гуманизма, плюрализма, прав человека, толерантности и диалога.

Важность легитимации этих идеалов постоянно усиливается в ситуации глобализации, когда происходит сглаживание национальных культурных различий, а каждое единичное локально-культурное пространство все более диверсифицируется, распадается на специфические сегменты и аудитории.

Один из возможных вариантов решения данной проблемы опирается на кантовскую антропологию, то есть на провозглашенный Иммануилом Кантом подход к человеку как к рациональному природному субъекту, способному к автономизации посредством разума.

Следуя кантовскому различению *разума* (*die Vernunft*) и *рассудка* (*der Verstand*), сторонники данного подхода разграничивают *разум* (*die Vernunft*) и *рациональность* (*die Rationalität*).

Для Канта разум – это познавательная способность, которая, будучи связанной с трансцендентным, вырабатывает простые регулятивные принципы познания. Рассудок же обеспечивает возможность выносить суждения о мире явлений, поскольку обладает трансцендентальным единством апперцепции. Рассудок включает в себя систему априорных форм (категорий, суждений и пр.), позволяющую ориентироваться в мире.

В отличие от Канта, рассматривавшего систему априорных форм как универсальное явление, неокантианцы подходят к ней как к исторически заданному – а, следовательно, многообразному – образованию.

Баденские неокантианцы Вильгельм Виндельбанд и Генрих Риккерт связывают философский анализ культуры с изучением ее ценностного содержания. Противопоставляя ценности и бытие, Риккерт выделяет «царства» – действительность и мир ценностей. Последний не обладает статусом действительного существования, хотя от этого не становится менее обязательным для человека. По Риккерту, вопрос о противостоянии и единстве двух «миров» и представляет собой основную проблему философии культуры.

Для обозначения различий ценностных миров Риккертом вводится понятие *Мультиверсум* (*Multiversum*), в котором схвачена множественность смысловых Универсумов различных культур.

Марбургская школа неокантианства в лице своих основных представителей – Германа Когена, Пауля Наторпа и Эрнста Кассирера – утвердила единственность

существования человеческого мира как мира культуры. Человек живет не в естественном, а в символическом универсуме, и культура разворачивается для него как опосредованное языковой деятельностью освоение мира. Различные способы отношения к миру «отливаются» в соответствующие формы культуры – язык, произведения искусства, мифические символы или религиозные ритуалы. Человек настолько погружен в эти символические формы, что без их посредничества не может ничего ни увидеть, ни прочувствовать, ни зафиксировать в собственном опыте.

Под воздействием распространяющейся идеи культурного многообразия и критики философского универсализма как аисторической модернистской абстракции, «нечувствительного к различиям» метанарратива и «уравнивания несопоставимого», в философии XX века неокантианская идея единства разнообразных «символических форм» как самостоятельных образований, устойчиво трактуется как идея Мультиверсумов – многоразличия априорных форм, множественности типов рациональности.

В этом контексте и возникает вопрос о возможности нахождения неких универсальных оснований для интеграции диверсифицированных дискурсов, жизненных практик и ценностных регулятивов. Один из наиболее известных представителей посткантианской философии культуры рубежа тысячелетий Кэлвин Шраг говорит о насущности выработки проекта «спасения целостности различий» как самой актуальной исследовательской задаче нашего времени.

По Шрагу, философии необходимо найти пространство рациональности между эмпирически изолированными партикулярностями и трансцендентальным образом заданными универсальностями и идентичностями. Рациональность такого рода Шраг предлагает назвать «трансверсальной рациональностью» (transversal rationality). Именно трансверсальный логос, по его мнению, должен заступит место логоса универсального, выступая как ось, которая будет «держат» новое тысячелетие.

Теоретическое обоснование идеи «трансверсальной рациональности» содержится в концепции еще одного философа культуры посткантианской ориентации – известного австрийского исследователя Вольфганга Вельша.

Начало формирования этой концепции было положено его монографией «Наш постмодерный модерн» (1987). В ней Вельш вводит понятие «трансверсальный разум» и определяет его как способность освоения различных типов рациональности и перехода между ними [7, с. 317–318].

Указывая на многообразие систем априорных форм, то есть на множественность типов рациональности, Вельш подчеркивает одновременное существование разума как инстанции, носящей трансверсальный («пронизывающий») характер, и способной, следовательно, «пронзат» пласты ценностных различий, «проникат» сквозь толщу партикулярных дискурсов и текстов.

Разум, будучи связанным с трансцендентным, является общечеловеческой характеристикой, независимой от типов рациональности. Восстановив в правах «разум», мы можем вмешиватся в «отношения» типов рациональности и управлять ими.

«Трансверсальность» как проект, могущий радикально преобразить саму идею нормативности и установку на моделирования ценностных регулятивов, представляет собой продуктивное явление современного философско-культурологического дискурса. Опираясь на идею о том, что этноцентрический универсализм устарел, и ему нет места в глобализации мультикультурного мира, сторонники этого проекта не абсолютизируют и ценностных партикулярностей. Концепт «трансверсальности» предлагается ими для того, чтобы заменить «старый» универсализм – являющийся ни чем иным, как философским выражением европоцентризма – отсылкой к гибридности. Разум, будучи связанным с трансцендентным, выступает как общечеловеческая характеристика, независимая от типов рациональности. В этом смысле разум трансверсален – он «прорыватся» сквозь национальные различия и дает нам

возможность находить всеобщее, проникающее «сквозь» культурные границы и жизненные миры.

Трансверсальная перспектива исследования соотношений универсального и партикулярного, предлагающая теоретическое обоснование возможности построения единой модели ценностных регулятивов дает возможность констатации факта открытости «размытых» гетерогенных культур и теоретической легитимации межкультурного диалога как свободного обмена идеями между взаимодополнительными сущностями – различными картинам мира и ценностными системами.

Более того, исследуя современное культурное состояние, Вельш исходит из утверждения, что ситуация глобализации и информатизации культуры размывает границы между «своим» и «чужим», делает невозможной жесткую идентификацию конкретного человека с единственным (собственным) культурным кругом или национальной культурой [5, с. 119–144; 6, с. 31–47]. Опираясь на постколониальные исследования, он утверждает, что идея локальности монолитных культур в принципе не отвечает реальности. Здесь парадигматическими оказываются выводы Эдварда Саида о том, что «все культуры гибричны, ни одна не является чистой, ни одна не идентична «чистому» народу, ни одна не состоит из гомогенной ткани» [1, с. 24]. Вельш уточняет, что в пору своего создания идея локальности монолитных культур соответствовала тенденциям формирования наций как замкнутых в себе целостностей, т.е. была своего рода исследовательской утопией, которой придавалась определенная нормативность. Однако сейчас она утратила и эту нормативность.

Гетерогенность конкретной культурной ситуации приводит к тому, что самые различные «культурные запасы» конкретного субъекта взаимодействуют друг с другом. Для современного человека ценностные установки, нормы и регулятивы уже не всегда делятся на «чужое» и «свое». Большинство людей, находясь на «стыке культур», сознательно или неосознанно выбирает для себя нечто «близкое» из широко спектра культурных манифестаций и ценностных систем. И близость эта не зависит от места жительства человека и локуса происхождения установок. Она обусловлена тем, насколько идея, норма, ценность или оценка связана с чем-то значимым для самого субъекта. Специфика идентификации современного человека облегчает непростую задачу осознанной «сборки» регулятивной модели, отсылая к возможности самостоятельной оценки им различного рода нормативов, стереотипов и идеалов.

Значение вышеописанной посткантiansкой установки для развития проекта всеобщих ценностных регулятивов трудно переоценить. Определение концепта «трансверсального разума», инстанции, по определению способной «регулировать» любую рациональность / любые рациональности, по сути дела, предлагает концептуальное основание, дающее возможность легитимизировать ценностные системы, идеи и объяснительные схемы, рожденные в недрах любой аутентики. Констатация факта культурной гибридизации и отсылка к «открытой» самоидентификации современного человека дает теоретическое обоснование возможности понимания и принятия конкретным субъектом, независимо от его локальной заданности, универсальной модели ценностных регулятивов.

Литература

1. Said, E. Kultur und Identität – Europas Selbstfindung aus der Einverleibung der Welt / E. Said // *Lettre International* 34. – 1996. – S. 21–25.
2. Schrag, C. O. Communicative Praxis and the Space of Subjectivity / C.O. Schrag. – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – 219 p.
3. Schrag, C. O. The Resources of Rationality. A Response to the Postmodern Challenge / C.O. Schrag. – Bloomington: Indiana University Press, 1992. – 191 p.
4. Schrag, C. O. The Self after Postmodernity / C.O. Schrag. – New Haven, 1997. – 155 p.

5. Welsch, W. Auf dem Weg zu transkulturellen Gesellschaften / W. Welsch // Die Zukunft des Menschen – Philosophische Ausblicke / Hrsg. V. Gunter Seibold. – Bonn: Bouvier, 1999. – S. 119–144.

6. Welsch, W. Tożsamość w epoce globalizacji – perspektywa transkulturowa / W. Welsch // Estetyka transkulturowa; red. K. Wilkoszewska. – Kraków: Universitas, 2004. – 455 s.

7. Welsch, W. Unsere postmoderne Moderne / W. Welsch. – Berlin: Akademie Verlag, 1997. – 346 s.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ